

УДК 327(47+57+510)

К вопросу взаимоотношений Ольвии с некоторыми полисами Эгейского и Средиземноморского регионов в античный период

Шейн С.С.

Учреждение образования «Черноморский государственный университет имени Петра Могилы», Николаев (Украина)

В истории античного периода одной из сложнейших тем являются отношения отдаленных полисов Северного Причерноморья с городами Эгейского и Средиземного морей, в частности проблемы политических, экономических и религиозных сторон этих отношений.

Цель работы – показать картину широких и тесных межполисных контактов в древнегреческом обществе на примере крупного греческого полиса Ольвии.

Материал и методы. *В статье на основе обширного археологического материала из раскопок античной Ольвии изучены и проанализированы внешние связи северопонтийской Ольвии с городами греческого мира в VI–I вв. до н.э. Сделан научный сравнительный анализ этих отношений, исходя из результатов археологических исследований второй половины XX столетия и данных современных археологов. Представлены причины зарождения и характер внешних отношений, их роль в античном обществе.*

Результаты и их обсуждение. *Доказана значительная роль Ольвии в межполисных отношениях как важного центра посреднической торговли. В результате проведенного анализа археологического материала показан широкий ареал внешних отношений Ольвии в экономическом, политическом и культурном аспектах.*

Заключение. *Научно аргументировано, что, несмотря на свою удаленность от полисов Эгейского и Средиземного морей, Ольвия занимала важное, а часто и одно из главных мест во внешней торговле и политике. Большинство полисов Греции были так или иначе заинтересованы в отношениях с Ольвией, которая была для них серьезным торговым партнером и играла одну из решающих ролей в поставке хлеба. В античный период внешнеэкономические отношения подкреплялись политическими и культурными связями, объединявшими отдаленные территории греческого мира в единый ареал античной цивилизации.*

Ключевые слова: *Ольвия, северопонтийские города, амфорные клейма, Эгина, Родосская монетная система, Самос, Александрийская школа, вазы Гадра, Египетский культ.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 58–64)

On the Issue of the Relationship of Olbia with some Polises of the Aegean and Mediterranean Regions in Ancient Times

Shein S.S.

Educational establishment «Petro Mohyla Black Sea State University», Mykolayiv (Ukraine)

In the history of the ancient period one of the most difficult topics is relations between distant polises of Northern Black Sea coast and the cities of the Aegean and Mediterranean Seas, namely the issues of political, economic and religious sides of the relationship.

The purpose is to show a pattern of wide and close interpolis contacts in Greek society on the example of the large Greek city of Olbia.

Material and methods. *In the article on the basis of wide archaeological material from the excavations of ancient Olbia external relations of North Pontia Olbia with the cities of the Greek world in the VI–I centuries B.C. are studied and analyzed. A comparative analysis of these relations is made on the basis of the findings of archaeological research of the second half of the XX century and modern archaeological research data. Reasons for the origin and nature of external relations and their role in ancient society are presented.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: wh.story105@gmail.com – С.С. Шейн

Findings and their discussion. *An important role of Olbia in interpolis relations as an important center of intermediary trade is proven. As a result of the analysis of archaeological material a wide range of external relations of Olbia in the economic, political and cultural aspects is shown.*

Conclusion. *It is scientifically proved that, despite its remoteness from the polises of the Aegean Sea and the Mediterranean, Olbia occupied an important, and often one of the main places in foreign trade and politics. Most polises in Greece were somehow interested in relations with Olbia, which was one of their main trading partners and played a crucial role in the delivery of bread. In ancient times external economic relations were supported by political and cultural ties that united remote areas of the Greek world into a single area of the ancient civilization.*

Key words: *Olbia, North Pontiac cities, amphora stamps, Aegina, Rhodes monetary system, Samos, Alexandrian school, vases by Qadr, Egyptian cult.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 58–64)

Одной из дискуссионных тем в изучении античного периода Северного Причерноморья являются отношения отдаленных полисов региона с городами Эгейского и Средиземного морей, в частности политические, экономические и религиозные сферы этих отношений. На всем протяжении античной эпохи связи отдаленных от Греции полисов были достаточно тесные и продиктованы в первую очередь интересом самих греческих городов во взаимоотношениях с колониями как источниками сырья и рынками сбыта товаров. Вот почему можно рассматривать греческое общество как целостный организм, несмотря на исторически сложившиеся политические разногласия в его среде. Особый интерес для исследования представляют отношения полисов, расположенных на больших расстояниях друг от друга и находившихся в разных политических и экономических реалиях античного мира.

Цель представленной статьи – показать картину широких и тесных межполисных контактов в древнегреческом обществе на примере крупного греческого полиса Ольвии.

Материал и методы. В статье на основе обширного археологического материала из раскопок античной Ольвии изучены и проанализированы внешние связи северопонтийской Ольвии с городами греческого мира в VI–I вв. до н.э. Автором сделан научный сравнительный анализ этих отношений, исходя из результатов археологических исследований второй половины XX столетия и данных современных археологов. Используются доступные источники (материалы археологических раскопок и научные работы археологов советского и современного периодов), представлены причины зарождения и характер внешних отношений, а также их роль в античном обществе.

Для написания применялись как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение), так и специально-

исторические методы исследования (историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный методы), позволившие раскрыть проблемы взаимоотношений Ольвии с некоторыми полисами Эгейского и Средиземноморского регионов в античный период.

Результаты и их обсуждение. Обширный археологический материал, который является практически единственным достоверным источником в изучении античного периода истории Северного Причерноморья, открывает огромные перспективы в изучении вопросов внешних контактов полисов региона с островной и материковой Грецией. Исследование одних только клейм на амфорной таре, найденных в Северном Причерноморье, уже позволило установить много центров, с которыми северопонтийские города поддерживали торговые связи, о чем в письменных источниках сведения отсутствуют или крайне фрагментарны и неясны. Так, например, был установлен факт экономических связей с Книдом, Паросом, Икосом, Фасосом, Мендой и многими другими полисами Греции.

Среди материалов Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР с раскопок 1961 г. выделяется ручка амфоры с анэпиграфным клеймом, которая имеет поразительное сходство с монетным типом Эгины. На клейме овальной формы изображена морская черепаха, которая была устойчивым типом лицевой стороны эгинских монет, начиная с VII в. до н.э., в течение всего периода их чеканки, вплоть до потери Эгиной независимости в 456 г. до н.э. Эгинские «черепахи» в огромном количестве чеканились на протяжении двух веков и наполняли рынки преимущественно западной и южной частей Эгейского бассейна. Эгинская монетная система получила широкое распространение за пределами родного острова [1]. По этой системе, как известно, начали чеканку монеты и все северопонтийские города – Ольвия, Пантикапей, Тира и др. Фрагменты

подобных амфор найдены при исследовании большой архаической ямы, которая содержала материал VI – первой половины V в. до н.э. В частности, известно, что на острове широкое развитие получили керамическое ремесло и торговля керамическими изделиями, что послужило основанием появления эпитета Эгины – «торгует горшками». Все это может служить свидетельством торговых связей между Эгиной и Ольвией.

Существуют в большом количестве и материалы, проливающие свет на тесные связи Ольвии и Родоса. На агоре в 1954 г. был найден четко доказывающий это документ. Первой информацией о нем историческая наука обязана члену-корр. АН УССР Л.М. Славину. В 1958 г. фотография и текст памятника были изданы А.И. Леви. От этого документа сохранился лишь левый верхний угол с остатками восьми строк греческого текста, который по форме букв относится к III в. до н.э. [2]. Начальные части строк надписи позволяют с уверенностью установить его общий смысл – перед нами стабильный текст постановления ольвиополитов, принятого в честь какого-то родосского гражданина. Особенностью данного памятника является помещенное над текстом изображение Гелия, которое было своеобразным гербом Родосской республики и украшало ее монеты – такие изображения «гербов» родных городов чужаков, уважаемых в каком-то другом городе, встречаются часто в греческих надписях из региона Причерноморья. Во второй строке было восстановлено собственное имя гражданина, внесшего предложение о чествовании иностранца – Akadino(s) Meni(skou). Это имя – свидетельство того, какое небольшое количество незлинских имен было у ольвиополитов в догетские времена. Используя лексику и фразеологию ольвийских надписей подобного содержания и близкого времени (главным образом декретов уважения Навтима Каллатийца и Дионисия Херсонесита), читаем: «... сын Гэгесандра, родосец, в целом является доброжелательным к народу», «... и граждан (то есть ольвиополитов), приезжающих в Родос». Последняя строка надписи полностью утрачена и восстановить ее практически невозможно.

В целом же воспроизведение и перевод всего документа могут носить следующий смысл: «Постановили Совет и Народ тридцатого (числа), Нумений, сын такого-то, внес предложение: поскольку Гаге(сарх), сын Гэгесандра, родосец, в целом является доброжела-

тельным к народу (ольвиополитам) и гражданам (Ольвии), прибывающим в Родос, оказывает услуги с особой тщательностью, постановили Совет и Народ ... ». Если учесть роль, которую играл Родос в международной торговле эллинистического мира [3], имеем вполне определенные доказательства того, что отдельные ольвиополиты бывали на Родосе. Об особом месте родосцев в торговле с Ольвией свидетельствуют и находки в Ольвии керамической тары родосского происхождения – они, как известно, превышают в количественном отношении все другие категории иностранной керамической тары, которую находят в Ольвии.

Отношения между Ольвией и Родосом не ограничивались исключительно торговыми делами. К III в. до н.э. относится и второй декрет ольвиополитов родосцу – постановление Совета и Народа о выдаче гражданских прав и проксении Гелланику. Этот памятник сохранился, к сожалению, в очень поврежденном состоянии. Ученый В.В. Латышев предположил, что Гелланик постоянно проживал в Ольвии и принимал участие в сборе средств для культовых нужд, а также способствовал своевременной выплате каких-либо общественных сумм местным царям.

Следует также отметить, что во времена своего наибольшего распространения родосская монетная система была известна и на берегах Понта Эвксинского, где чеканились монеты родосского веса вплоть до времен Митридата Евпатора [4]. Здесь встречается ряд последовательных выпусков серебряной монеты III–II вв. до н.э., каждый из которых состоял из двух или даже трех номиналов. К сожалению, подробно вопросы истории денежного хозяйства Ольвии во времена эллинизма не нашли в научной литературе достойного освещения. Учитывая все вышесказанное о торговых связях Ольвии с Родосом, с одной стороны, и о распространении родосской монетной системы в эллинистическом мире, с другой стороны, вряд ли можно видеть в этих монетных сериях Ольвии какую-то другую систему.

Из всего изложенного материала мы приходим к выводу о том, что тесные связи Ольвии и Родоса не только отразились в некоторых намеках античной литературной традиции, но и находят поддержку со стороны археологии, эпиграфики и нумизматики.

Коснемся коротко и фактов связи Ольвии с еще одним средиземноморским центром –

Самосом. В 1962 г. в хозяйственной яме на территории Ольвии была найдена верхняя часть амфоры. На одной из ее ручек находилось небольшое целое анэпиграфное клеймо, на котором была изображена остродонная амфора. Это изображение воспроизводит тип самой амфоры, на котором оно размещено. Наиболее близкие параллели дают самосские монеты. Науке известна серия серебряных и медных оболков Самоса, на обратной стороне которых изображены остродонные амфоры [5]. Форма амфоры на монетах совпадает с формой амфоры на клейме и в еще большей степени с формой целой амфоры из Ольвии. Отсюда напрашивается предположение о самосском происхождении как данного клейма, так и амфоры.

Известно, что Самос в первой половине V в. до н.э. был одним из самых мощных и экономически развитых греческих государственных образований. После организации первого Афинского морского союза и вхождения в него Самоса остров находился в привилегированном по сравнению с другими союзниками положении. Экономические связи Самоса с Северным Причерноморьем в V в. до н.э. ограничиваются первыми шестью его десятилетиями; в более позднее время они маловероятны, а скорее даже исключены. Тесные экономические отношения Самоса с Северным Причерноморьем хорошо засвидетельствованы археологическим материалом VI в. до н.э. Экспорт из Самоса в Ольвию в это время не ограничивался товарами, перевозившимися только в амфорах. Продолжали поступать и различные керамические изделия. Находки из раскопок Ольвии последних лет позволяют высказаться (пока еще в осторожной форме) в пользу продолжения этих связей и в первой половине V в. до н.э. Вероятно, в это время Самос все еще играл значительную роль в экономических отношениях Северо-Западного Причерноморья, в частности Ольвии.

В контексте внешних связей Ольвии со Средиземноморьем исследуем еще один интересный и важный момент в этих отношениях – факт контактов с крупнейшим центром Восточного Средиземноморья – Александрией Египетской. Рядом ученых (Э.Р. Штерном, Б.В. Фармаковским) неоднократно затрагивался вопрос об отношениях Ольвии с Александрией, но при этом не преследовалась цель выяснить место Ольвии среди других северо-причерноморских центров в торговле с Егип-

том. Некоторые исследователи не исключают Александрию из числа центров, которые поддерживали торговые связи с Ольвией, но говорят об этих связях в большом хронологическом диапазоне: IV–I вв. до н.э. [6], а иные даже не упоминают Александрию в контексте внешних связей Ольвии. Между тем существующие археологические материалы позволяют иначе взглянуть на проблему отношений северопричерноморских центров и Александрии в эпоху эллинизма.

Если обозначить основные хронологические вехи в отношениях Египта с Северным Причерноморьем, нужно указать, что большая часть александрийских ваз Гадра, найденных в Северном Причерноморье, происходит с ольвийского эллинистического некрополя. Создается впечатление, что вокруг Ольвии группируется значительное число фактов, свидетельствующих о ее контактах с Александрией в раннеэллинистическую эпоху. Это выделяет Ольвию в контактах с Египтом среди других центров Северного Причерноморья. К сожалению, мы не располагаем литературными свидетельствами, освещающими отношения Ольвии со страной фараонов. Единственным источником, который проливает некоторый свет на этот вопрос, является археологический материал.

Значительным фактом следует считать наличие в ольвийском некрополе ваз Гадра. Нужно подчеркнуть, что за небольшими исключениями керамика Гадра встречается главным образом в эллинистических некрополях Александрии. Вне Александрии известно очень небольшое число ваз Гадра, найденных или во владениях Птолемея, или в тех центрах, которые находились в наиболее активных связях с Александрией [7]. Вот почему находки ваз Гадра в одном из районов Северного Причерноморья – явление, к которому следует отнестись очень серьезно.

В ольвийском некрополе были отмечены четыре чернофигурные вазы Гадра, относящиеся к разным периодам III в. до н.э. – от первой половины до конца указанного века. С ольвийского же некрополя происходит и вторая разновидность ваз Гадра – полихромные вазы. Восемь ваз Гадра, найденных в ольвийском некрополе, – не единственный вид привозной александрийской керамики в Ольвии. Нужно указать и на несколько чернофигурных агонистических амфор, александрийское происхождение которых наиболее вероятно. Первая публикация названной группы ваз бы-

ла сделана Е.Г. Штерном, который признал в них изделия Александрии. В 1901 г. в некрополе Ольвии Б.В. Фармаковский также нашел александрийскую агонистическую амфору. Александрийское происхождение найденных в Ольвии агонистических амфор поддерживает и В.Д. Блаватский [8]. Находки александрийской эллинистической керамики в Ольвии дополняются полихромной амфорой с рельефными украшениями, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Вся александрийская керамика из Ольвии относится ко времени не позднее рубежа III–II вв. до н.э. Керамика такого рода, украшенная растительным или поисковым узором, отмечена в Пергаме, ряде островных центров Средиземноморья, а также в Северном Причерноморье [9]. Изданный Т.Н. Книпович материал подобного рода, происходивший в основном из Ольвии и Восточного Крыма, был дополнен А.Д. Дашевской, опубликовавшей материалы о керамике с темно-красной росписью по светлому фону из Северо-Западного Крыма. В сюжетах росписи этой керамики и, особенно, в технике ее выполнения ряд исследователей видит непосредственные параллели с орнаментикой ваз Гадра и расписных лагиносов.

Влияние Александрийской школы в керамическом производстве Ольвии прослеживается в сборнике по керамике Одесского археологического музея, в частности орнаментальной схемы чернофигурной вазы Гадра. Бесспорно, археологические находки прямо свидетельствуют о наличии в Ольвии раннеэллинистического времени небольшой группы расписных ваз, сюжеты орнаментации которых в определенной степени стоят в связи с чернофигурными вазами Гадра. Примечательно, что ольвийские вазописцы не просто копируют роспись александрийских ваз, но передают их в свободной и упрощенной форме. В целом в Северном Причерноморье керамика с темной силуэтной росписью поверх ангобированного покрытия встречается во многих центрах – в Херсонесе, Мирмекии, на Тамани, в Северо-Западном Крыму. Но орнаментальные детали в оформлении расписной керамики этого типа, почерпнутые непосредственно из росписей чернофигурных александрийских гидрий, отмечаются лишь в Ольвии.

Особое место в керамике Ольвии, связанной с погребальным ритуалом, принадлежит группе амфор, происходящих из эллинистического некрополя. По оформлению они близки

ко второй разновидности ваз Гадра – полихромной гидрии и так же, как и остальные, характеризуются акварельной росписью поверх гипсовой облицовки. Эти амфоры были изданы К.И. Зайцевой [10], а И.Г. Шургая попыталась обосновать их генетическую связь с полихромными вазами Гадра.

Но все же не нужно спешить делать вывод, что влияние александрийской керамики Гадра на керамическое производство Ольвии раннеэллинистического периода носило широкий характер. Однако нельзя также игнорировать тот факт, что в Ольвии указанной поры существовали отдельные типы сосудов, происшедших из некрополя, в оформлении которых влияние, а порой и генетическая связь с керамикой Гадра очевидны. Также среди камфорной тары общеизвестны, например, образцы скульптур, найденных в слоях ольвийского городища, в которых большинство исследователей видит произведения александрийской школы. Эксперты античной скульптуры, найденной в северопричерноморских поселениях, разделяют точку зрения Б.В. Фармаковского [11]. В.Д. Блаватский, также подчеркивал александрийское происхождение скульптур и относил их к концу III в. до н.э. Действительно, упомянутые выше скульптуры можно считать характерными образцами александрийской школы.

В комплексе источников, привлекаемых к рассмотрению вопроса о контактах Ольвии с Александрией Египетской, важное место занимают данные нумизматики. Здесь важно учесть наличие александрийских монет времени Птолемея в близком соседстве от Ольвии – на острове Левка, святилище которого посещали все мореплаватели, плывшие в названный центр.

Из фактов, касающихся контактов Ольвии с Александрией Египетской, нельзя исключить один эпиграфический памятник, происходящий из Тиры. На основании текста надписи, свидетельствующей о благодарственном приношении сына Кратина Серапису, Исиде и уважаемым вместе с ними богам (Гарпократу и Анубису), А.И. Сонни справедливо отметил, что «... это первое, что не подлежит никакому сомнению свидетельство о существовании культа названных египетских божеств на северном побережье Эвксинского Понта примерно во II в. до Р. Х., к которому можно отнести надпись по характеру письма» [12]. Сомнения по поводу столь ранней даты появления греко-египетских божеств в Причерномо-

рье А.И. Сонни обосновал ссылками на В.Н. Юргевича, опубликовавшего надпись из Ольвии времени Александра Севера, содержащую упоминания о египетских божествах, и В. Дрекслера. В.В. Латышев объяснил появление греко-египетского культа в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма в результате торговых отношений названного района с Александрией в III–II вв. до н.э.

Кроме надписи из Тиры, изданной В.В. Латышевым, в то время почти не было других данных, позволяющих судить о наиболее ранней дате связей Александрии с Северным Причерноморьем. Археологический материал, который мог бы пролить какой-то свет на эту проблему, не был еще известен. Поэтому даже авторитета такого выдающегося эпитафиста, каким был В.В. Латышев, оказалось недостаточно для признания факта, что уже во II в. до н.э. Исида и Серапис вместе с Гарпократом и Анубисом входили в пантеон богов жителей по крайней мере одного из районов Северного Причерноморья, – как мы видим, Западного.

Такие материалы появились сравнительно недавно. В связи с ними, естественно, был поставлен вопрос о пересмотре взглядов, согласно которым появление греко-египетского культа в Причерноморье относится только к римскому времени. Эти новые материалы связаны главным образом с Западным Причерноморьем, включая и его наиболее северный район, очень близкий к Тире и Ольвии, – так называемую «Малую Скифию» (Добруджу). Найденный здесь эпитафический документ проливает свет на религиозную картину Северо-Западного Причерноморья, в рамках которой надпись из Тиры, опубликованная в 1892 г. В.В. Латышевым, приобретает новое звучание.

В Истрии в 1959 г. была найдена надпись, из текста которой следует, что город посредством оракула Калхедона вводит у себя культ Сераписа. Датируется данная надпись III в. до н.э. Этот чрезвычайно важный эпитафический документ свидетельствует, что за столетие до того, как в Тире согласно приведенной выше надписи фиксируется существование греко-египетского культа, в Истрии был принят официальный декрет о его введении. Естественно возникает вопрос: какие причины привели в города Западного Причерноморья культа Сераписа, Икиды и других синкретических греко-египетских божеств?

Вполне возможно, факт введения упомянутых божеств в пантеон ряда центров Западно-

го Причерноморья не вытекает из прямых контактов городов этого района с эллинистическим Египтом. Греко-египетский культ в западно-черноморских центрах появился вследствие посещений их жителями Восточного Средиземноморья, где синкретические культы, среди которых был культ Икиды и Сераписа, получили широкое распространение. Справедливость последнего утверждения не приходится отрицать. Однако нельзя не учитывать факта, убедительно изложенного в свое время В.В. Струве о том, что культ Сераписа (особенно в раннеэллинистическую эпоху) воспринимался в первую очередь как культ божества-покровителя Александрии. Поэтому возникновение греко-египетского культа даже в достаточно отдаленном от Египта центре нельзя рассматривать в полном отрыве от возможности проявления известных симпатий к Египту, Александрии и Птолемаем, основавшим культ Сераписа в Египте, тем более, если данный культ вводился официально.

Совсем другая картина вырисовывается в Западном и Северо-Западном Причерноморье, где мы видим довольно раннее появление греко-египетского культа, как, например, в Истрии и Тире, или наличие александрийских предметов, открытых как в слоях ольвийского городища, так и в эллинистическом некрополе Ольвии. По-видимому, западный берег Черного моря в целом вошел в сферу торговых интересов Александрии с раннеэллинистического времени. Хорошо известна активность александрийских мореплавателей, а если учесть, что Птолеми в течение всего III в. до н.э. обладали рядом городов в Северной Эгееде, то вероятность их путешествий в район Западного и Северо-Западного Понта представляется вполне реальной. Таким образом, весь круг фактов, охватывающих в целом Северо-Западное Причерноморье, свидетельствует о контактах этого региона с Александрией уже в III в. до н.э.

И, скорее всего, Ольвия продолжала поддерживать контакты с Александрией до гетского разгрома (48 г. до н.э.), хотя и не в том объеме, как в III в. до н.э. С конца III в. до н.э. Ольвия вступает в период кризиса, который завершился трагическими событиями 48 г. до н.э. Все это, безусловно, негативно сказалось и на торговых связях Ольвии, диапазон которых значительно сократился.

Таким образом, при исследовании внешних связей полиса Ольвия с греческими цен-

трами анализ собранного археологического материала доказывает важнейшую роль в тесных отношениях отдаленного греческого полиса с городами обширного ареала распространения античной цивилизации. Важная роль Ольвии в первую очередь в торговой сфере объясняет распространение в отдаленном полисе общегреческих монетных систем. Тесные связи Ольвии и городов Греции не только отразились в некоторых намеках античной литературной традиции, но находят поддержку со стороны археологии, эпиграфики и нумизматики. Нумизматический материал дает прямые доказательства связей полисов, находившихся на основных торговых путях Греции. Стиль изготовления ряда керамических сосудов, найденных в Ольвии, прямо свидетельствует не только об активной торговле и влиянии греческой культуры на северные районы Черного моря, но часто заставляет увидеть генетическую связь керамики различных центров античного мира. Существование культов египетских божеств на северном побережье Понта доказывает не только экономические аспекты отношений Ольвии с центрами греческого мира, но и выявляет тесные культурные связи полисов, ярко выраженные в религиозном направлении.

Заключение. В результате греческой колонизации большинство городов Греции вывели свои колонии в достаточно отдаленные регионы. Несмотря на свою удаленность от полисов Средиземного моря, Ольвия занимала во внешних связях Северного Причерноморья со средиземноморскими полисами важное, а часто и одно из главных мест. Большинство полисов Средиземноморья – от небольших островных и до центральных греческих – были так или иначе заинтересованы в отношениях с Ольвией, которая была для них важным торговым партнером и играла одну из решающих ролей в поставках хлеба. Внешнеэкономические отношения также подкреплялись политическими и культурными связями, которые объединяли отдаленные территории греческого мира в единый ареал античной цивилизации.

Литература

1. Зограф, А.Н. Античные монеты / А.Н. Зограф // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – 1951. – Т. 16. – С. 42.
2. Каришковський, П.Й. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії. Ольвія та Родос / П.Й. Каришковський // *Одеський державний археологічний музей: матеріали з археології Північного Причорномор'я*. – 1959. – Вип. II. – С. 73.
3. Крушкол, Ю.С. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом / Ю.С. Крушкол // *Вестн. древней истории*. – 1957. – № 4. – С. 111.
4. Шелов, Д.Б. Монетная система городов Боспора в VI–V вв. до н.э. / Д.Б. Шелов // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – 1951. – № 19. – С. 134.
5. Брашинский, И.Б. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом / И.Б. Брашинский // *Краткие сообщения Института археологии*. – 1967. – Вып. 109. – С. 23.
6. Бондарь, М.М. До питання про торговельні зносини Ольвії в VI–I ст. до н.е. / М.М. Бондарь // *Археологія*. – 1954. – Вип. IX. – С. 171.
7. Шургая, И.Г. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху / И.Г. Шургая // *Вестн. древней истории*. – 1972. – Вып. 3. – С. 18.
8. Блаватский, В.Д. История античной расписной керамики / В.Д. Блаватский. – М.: МГУ, 1953. – С. 276.
9. Книпович, Т.Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья / Т.Н. Книпович // *Советская археология*. – 1941. – Вып. VII. – С. 143.
10. Зайцева, К.И. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) / К.И. Зайцева // *Труды Гос. Эрмитажа*. – 1962. – Вып. VII. – С. 184.
11. Максимова, М.И. Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / М.И. Максимова, М.А. Наливкина. – М.–Л.: АН СССР, 1955. – Т. 1. – С. 303.
12. Сонни, А.И. К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря / А.И. Сонни // *Филологическое обозрение*. – 1893. – Т. V. – С. 54.

Поступила в редакцию 06.05.2015 г.